

УДК 94 (47)+070 (09) (47); 1(470) (091)

**«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» VERSUS РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ
(1890-е гг.)**

© 2014 г.

В.А. Кумаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

vlakit@mail.ru

Поступила в редакцию 22.06.2014

Анализируется содержание полемики, которую вел журнал «Вестник Европы» с русскими консерваторами в 1890-х гг.

Ключевые слова: журнал «Вестник Европы», либерализм, славянофильство, консерватизм, 1890-е гг.

«Вестник Европы» как журнальный лидер пореформенного российского либерализма не был обделен исследовательским вниманием, особенно в последние годы [1–3]. Можно говорить и о качественном скачке в изучении темы. Совсем недавно увидела свет пока единственная в своем роде обобщающая работа, где идейная история журнала прослежена до времени появления первой либеральной партии в России [4]. Однако она ликвидирует отнюдь не все «белые пятна». Одним из них остается борьба «Вестника Европы» с идеологией и политической программой консервативного крыла русской общественной мысли в 1890-е гг.

Автор статьи отдает отчет в том, насколько аморфна и неоднородна была в конце XIX в. идейная среда, которую принято обозначать понятием «консерватизм». До известной степени условно консервативной называется здесь совокупность дискурсов, оппонировавших либерализму справа. Как синонимические по отношению к консерватизму в статье используются термины «охранительство», «правые».

Задача противостояния литературным силам русского консерватизма не являлась новой для «Вестника Европы» в 90-е гг. XIX в. В предшествовавшее десятилетие либеральный журнал отдал немало сил борьбе с двумя бесспорными лидерами правого лагеря – газетами «Московские ведомости» М.Н. Каткова и «Русь» И.С. Аксакова. Построение консервативного фронта в последнее десятилетие века заметно изменилось. Во второй половине 80-х гг. сошли со сцены Аксаков с его газетой «Русь», а вслед за ним Катков. В 1891 г. не стало К.Н. Леонтьева. После смерти Александра III Л.А. Тихомиров с тревогой фиксировал оскудение лагеря своих единомышленников: «Бедная Россия! И какие потери. Все, что ни есть крепкого или

подававшего надежды – все перемерло: Катков, Д. Толстой, Пазухин, К. Леонтьев, П. Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения» [5].

Но реальное состояние консервативного общества на исходе столетия было все-таки не настолько удручающим, как это рисовалось Тихомирову. Рядом с ветеранами идейных баталий – «Московскими ведомостями», «Русским вестником», «Гражданином» встал журнал «Русское обозрение» (1890–1898). На линию активной публицистической деятельности вышли Л.А. Тихомиров и В.В. Розанов. Заметным событием стало появление в 1896 г. «Московского сборника» К.П. Победоносцева. В интересующий нас период заявило о себе немало число эпигонов славянофильства. И что немаловажно, смерть Александра III, поначалу напугавшая консерваторов и поселившая некоторую надежду в рядах либералов, не изменила внутривнутриполитического курса самодержавия. Это не могло не добавлять противникам либералов справа уверенности и оптимизма.

Борьба «Вестника Европы» со своими идейными антагонистами в 90-е гг. шла, как и прежде, по двум параллельным линиям: философско-теоретической и практико-политической. Перед ведущим либеральным журналом стояли все те же задачи критики доктринальных оснований консерватизма и объяснения губительности его программы для России.

Обращаясь к содержательному наполнению первого (теоретического) направления полемики, нельзя не обратить внимания на то, как актуализировалась для либералов тема славянофильства, казалось бы, исчерпанная журналом к концу 80-х гг. Ведущим сотрудникам «Вестника Европы» было ясно, что первоначальное славянофильство исчезло с кончиной Ивана Аксако-

ва. Но нельзя было не видеть и распространившихся в конце века попыток воскресить это учение. Поднявшаяся эпигонская волна заставляла либералов вновь и вновь аргументировать тезис о бесперспективности всяких попыток оживить доктрину. В этом отношении показательна статья С.Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил» о К.Н. Леонтьеве [6]. (В дальнейшем ссылки на журнал даются в тексте.)

Называя систему взглядов Леонтьева «последним словом славянофильства» и характеризуя ее суть как «проповедь реакции и мракобесия», Трубецкой убеждал читателя в том, что она являет собой яркий пример окончательного «саморазложения славянофильства». Из того, что было сказано в статье, напрашивался и еще один вывод: все попытки реанимации школы будут вести к аналогичному политическому результату. Именно как попытку дискредитировать не только Леонтьева, но славянофильство расценили статью Трубецкого в «Московских ведомостях». На защиту старого и нового славянофильства от его либеральных критиков поднялся один из видных представителей последнего А.А. Киреев. Речь Киреева «Наши противники и наши союзники», произнесенная в торжественном собрании Славянского благотворительного общества 19 декабря 1893 г. [7], заставила Трубецкого вернуться к проблеме «славянофилы и Леонтьев». Правда, содержание его ответной статьи «Противоречия нашей культуры» не замкнулось только на ней.

Не без опоры на Леонтьева Трубецкой представил здесь свое видение «рокового антагонизма культурных начал современной России». Суть его составляла борьба византизма и европеизма. Это же противоречие (или «бессознательный эклектизм») несло в себе славянофильство, которому, при всей его враждебности к устоям западной культуры, нельзя было отказать в «прогрессизме» и либерализме. Печатью внутренней, либерально-консервативной конфликтности были, по мнению Трубецкого, отмечены и политические взгляды его оппонента Киреева.

В момент работы над первой статьей Трубецкой, кажется, не видел никаких перспектив для дальнейшего существования славянофильства. В «Противоречиях нашей культуры» он уже находил возможным появление преемников старого славянофильства, которые сохраняют то, что было наиболее привлекательными сторонами его учения. «Оно еще может ожить, не отрекаясь ни от церкви, ни от своего широко понимаемого монархического начала, ни от народолюбия, ни от славянства, ни от гласности, ни от свободы совести». Но такое могло случиться только

при одном условии: наследники должны «отречься от ошибок и заблуждений старого славянофильства, в которых заключается мнимое оправдание теперешних реакционеров и обскурантов», «помириться с “западничеством” принципиально, а не на почве поверхностного эклектизма» [1894, № 8, с. 526]. Трубецкой не сомневался в том, что наследие классического славянофильства несет в себе ресурс для такого разворота.

Итак, трансформация старого славянофильства в национализированный либерализм не казалась автору «Вестника Европы» чем-то невозможным. Однако действительность конца 80-х – 90-х годов оказалась в этом отношении крайне бедна и дала, пожалуй, только один пример такого обращения. О нем и реакции, которую он вызвал в журнале, будет сказано чуть ниже. Пока же отметим, что В.С. Соловьев, познакомившись с содержанием первых номеров неославянофильского журнала «Благовест» под редакцией А.В. Васильева (он начал выходить в 1890 г.), нашел в его «руководящих статьях» всего лишь «аутопсию», т.е. вскрытие трупа. «Благовест мнимого воскресения оказался на деле похоронным звоном» – таков был его приговор журналу в статье «Идолы и идеалы» [1891, № 3, 6]. Славянофильство, на его взгляд, не было способно ни к какому развитию по очень простой причине: оно давно распалось на составные элементы. Одни из них вошли в соединение с так называемым «западническим лагерем», другие «были притянуты и поглощены крепостничеством, антисемитизмом, народничеством и т.д.» [1891, № 6, с. 812–813].

Леонтьев, кстати, оказывался в фокусе внимания журнала не только в связи с обсуждением вопроса о жизнеспособности славянофильства. В одной из «общественных хроник» 1891 г. (это было еще до смерти Леонтьева) К.К. Арсеньев напрямую оппонировал его «Запискам отшельника» (этот цикл статей печатался в «Гражданине» с 1887 г.). Один из ведущих публицистов «Вестника Европы» решительно отверг идеологию их автора. Неудовлетворенность Леонтьева недостаточной, как ему казалось, глубиной контрреформ 80-х годов, его желание видеть Россию на совсем «ином пути», который бы радикально расходился с путями «гниющего Запада», воспринималось Арсеньевым как «реакционная утопия». «Если этого мало, если нужно идти еще дальше, то где последняя цель обратного движения?» – писал Арсеньев [1891, № 7, с. 434].

На фоне в целом пессимистически-враждебного отношения «Вестника Европы» к политическому результату эволюции «старого»

славянофильства и новейшим попыткам возрождения школы резким контрастом выглядели оценки позиции В.И. Ламанского. Речь этого славянофила в чрезвычайном собрании Славянского благотворительного общества 10 ноября 1894 г. вызвала безоговорочное одобрение со стороны сразу двух сотрудников журнала – Л.З. Слонимского и К.К. Арсеньева. Слонимский обнаружил здесь все признаки того, что «просвещенные славянофилы не усматривают ничего специально иноземного в обычных требованиях либерализма и безусловно одобряют сущность их, независимо от споров о политических формах» [1894, № 12, с. 860 – 861].

Арсеньев был более пространен, делясь своими впечатлениями от сказанного Ламанским. Его подкупило то, что в словах славянофильского оратора не оказалось никаких намеков на желательность «поддержки или усиления дворянских привилегий», что было характерно для позиции позднего И.С. Аксакова. Ламанский, кроме того, забыл «мольбу» о промышленном покровительстве, «еще недавно не чуждую эпигонам славянофильства». В выступлении Ламанского Арсеньев не обнаружил ни слова об «излюбленной ими» церковно-приходской школе. Немало удивил его и апофеоз «терпимости ко всем иноучениям». Ко всему этому добавлялось требование не только свободы слова, но и «почина личного и общественного». «Заслугу г. Ламанского мы видим именно в том, – резюмировал свои впечатления Арсеньев, – что он одним из первых заглянул вперед, ...показал недостаточность и бесплодность ретроспективных восторгов» [там же, с. 896–897].

Случай Ламанского заставляет вернуться к «Противоречиям нашей культуры» Трубецкого. Оказывается, надежды автора этой статьи на возможность сближения славянофилов с либералами не были безосновательны. Ну, и как знак симпатии «Вестника Европы» к Ламанскому можно воспринимать тот факт, что в полемике со славянофильствующими консерваторами на страницах журнала Соловьев использовал заимствованное у него эффектное определение «назадняки» [1891, № 7, с. 416].

В самом начале 90-х годов теоретический багаж русского консерватизма пополнился работой П.Е. Астафьева «Из итогов века» (1891). Центральная идея этой брошюры – несовместимость «духовной личности» и «внешних форм, учреждений и благ». Отказ от христианского идеала «духовной личности» в пользу «единоспасающих учреждений», так же как и стремление создать «благополучную, сытую и посредственную особь», столь характерные для

современного буржуазного общества, неизбежно вели, по его мнению, к «одичанию». Как отмечает Н.П. Ильин, Астафьев фактически сформулировал «закон сохранения социальной энергии»; чем больше этой энергии уходит на социальные реформы, тем меньше остается ее для высокого культурного творчества. В свете этой логики николаевское царствование оказывалось более результативным, чем эпоха преобразований Александра II [8].

Вступая в полемику с Астафьевым, Арсеньев прежде всего брал под защиту институт парламентаризма, ведший, по мнению консерватора, к «принижению личности» и «упразднению государства». Обозреватель «Вестника Европы» не находил в парламентарных странах ни того, ни другого. Это, конечно, не означало, что политическое представительство не могло иметь никаких недостатков. Но Арсеньев был уверен: «свобода сама исцеляет раны, которые наносит» [1891, № 6, с. 890].

Не выдерживал критики тезис Астафьева об антигосударственности парламентаризма («упраздняет государство»). По мнению Арсеньева, государство не только не «отступает перед интересами социальными и экономическими», в чем пытается убедить Астафьев, а, наоборот, все более решительно идет им навстречу. Наконец, «милитаризм гораздо больше парламентаризма составляющий отличительную черту второй половины XIX века – разве он свидетельствует об “упразднении государства”?». Не могло быть, полагал Арсеньев, никакой речи и о государственном “космополитизме”, когда его представители «постоянно готовы броситься друг на друга из-за провинции, из-за колонии» [там же, с. 890 – 891].

Попытка Астафьева отождествить парламентский строй с торжеством буржуазии также не казалась убедительной. Конечно, буржуазия в Западной Европе еще сильна, признавал либеральный публицист, но всеобщая подача голосов готовит почву для политического восхождения «четвертого сословия»: «окончательная его победа – вопрос времени, меры и формы». «Государство, – писал Арсеньев, – в виду растущего движения народа, считается с ним едва ли не меньше, чем с буржуазией; в его пользу расширяется, большей частью, область государственного вмешательства, его интересы могут быть названы по преимуществу интересами социальными» [там же, с. 891].

Без ответа не осталось и предъявленное Западу обвинение в безыдеальности, в том, что он оказался в плену культа личного благополучия. Арсеньев, конечно, не мог не признать, что в совре-

менном христианском мире «проповедь альтруизма, самоотречения, служения ближним остается пока без видимых, широких результатов». Но «такова судьба всякой проповеди, призывающей к трудному нравственному подъему». И все же, утверждал хроникер «Вестника Европы», «она существует, существует в самых различных видах и формах – и этого довольно, чтобы доказать наличие идеала, прямо противоположного обоготворению особи» [там же, с. 893].

Заметной страницей в истории борьбы «Вестника Европы» с философией русского консерватизма стала полемика с Л.А. Тихомировым по вопросу о сущности свободы в 1893–1894 гг. Выступления Тихомирова печатались в «Русском обозрении», где он вел отдел «Летопись печати». Заметим, что у «Вестника Европы» был уже опыт полемики с Тихомировым. В «общественной хронике» сентябрьского номера за 1890 г. Арсеньев вступил в спор с положениями его брошюры «Начала и концы».

На страницах «Русского обозрения» Тихомиров аргументировал тезис о приоритетности и абсолютной достаточности личной (внутренней) свободы. Она не только не требует гражданской (общественной, политической) свободы, но, более того, существенно стесняется в случае замены «прав человека» «правами гражданина». По Тихомирову, свобода должна быть подчинена исключительно внутренним силам человека, а потому сохранить ее можно, даже находясь в «состоянии рабства». Личная свобода нуждалась не в уже достаточно скомпрометировавших себя институтах и процедурах демократии, а в «разумно-расслоенном обществе», где «каждый человек составляет частицу известной группы, возникающей не случайно, существующей вечно», и направляется в своей деятельности «разумной системой авторитетов»: семейного, сословного, корпоративного, государственного, религиозного. Излечение от «ран», нанесенных политической свободой, должно было привести к отречению от идей либерального демократизма и перестройке общества «по старому историческому типу» [9]. Такая философия свободы нацеливалась против теоретических оснований либерализма. «Вестник Европы» должен был искать контрдоводы.

Оппонируя Тихомирову, Арсеньев указывал на недопустимость противопоставления понятий личной и общественной свободы. Первая, по его убеждению, была невозможна без обеспечения ее со стороны второй. Главный смысл политической свободы заключался, по его мнению, именно в защите свободы личности. «Если, в исключительных натурах, – писал он, –

внешние стеснения могут создать и укрепить внутреннюю самостоятельность, то в огромном большинстве случаев они ее принижают и подавляют» [1894, № 1, с. 457–458]. Чем больше гарантирована государством личная свобода гражданина, тем лучше он вооружен для отстаивания «своей индивидуальной самобытности, своего права на своеобразное развитие». В рассуждениях Тихомирова о «разумно-расслоенном обществе» как наиболее подходящей среде для личной свободы и «старом историческом типе» Арсеньев не без оснований усмотрел желание вернуть Россию в дореформенную эпоху. Спустя некоторое время публицист «Вестника Европы» взял под обстрел и монархизм Тихомирова. «Нужно иметь большую смелость, – писал Арсеньев, – чтобы выставлять такой порядок чем-то идеальным» [1899, № 2, с. 784].

Будучи в 90-е гг. постоянным автором «Вестника Европы», В.С. Соловьев, по его собственному признанию, нес «добровольное “послушание” выметать тот печатный сор и мусор, которым наши лжеправославные лжепатриоты стараются завалить в общественном сознании великий и насущный вопрос религиозной свободы» [1894, № 4, с. 785]. Эта работа началась статьей «Из вопросов культуры (Исторический сфинкс)», где он потребовал «признать за другими верованиями и народностями» «право на существование и свободное проявление и развитие» [1893, № 6, с. 785]. В.В. Розанов отвечал Соловьеву в «Русском вестнике» (1894, № 1) статьей «Свобода и вера». Он утверждал, в свою очередь, что так называемая религиозная терпимость присуща только неверию и что настоящая вера не допускает борьбы с собою. Соловьев парировал этот выпад заметкой «Порфирий Головлев о свободе и вере», демонстрируя полную беспощадность к противнику. «Кому же, кроме Иудушки, может принадлежать это своеобразное, елейно-бесстыдное пустословие?» – спрашивал он и говорил далее о «зверообразно-дикой сущности веры» Головлева-Розанова, о его «лживости» и «скотоподобии», о его «готтентотовском субъективизме» [1894, № 2, с. 906–916]. Отвечая Соловьеву в апрельском номере «Русского вестника», Розанов еще более поднял градус скандальности в этой полемике. К прениям между ними подключился Тихомиров. Соловьев адресовал ему статью «Спор о справедливости» [1894, № 4]. Он же и поставил точку в этом эпизоде противостояния «Вестника Европы» двум видным консервативным публицистам [1894, № 7].

Журнал, естественно, не мог не отреагировать на такой яркий манифест русского консер-

ватизма, каким явился «Московский сборник» К.П. Победоносцева. Статус его автора не стал помехой журналу. Уже своим названием – «О “великой лжи” нашего времени» – статья, написанная Л.З. Слонимским, вступала в полемику с оценками обер-прокурором Святейшего Синода демократии и парламентаризма.

Слонимский указывал на то, что, критикуя «некоторые формы» и «внешние особенности» парламентской системы, Победоносцев уклоняется от разговора о ее сущности. А она, писал Слонимский, заключается в «праве публичного контроля и обсуждения правительственных действий, свободе речи и печати, праве публичных собраний», и ни один из западноевропейских народов не собирается отказываться от него [1896, № 10, с. 776]. Вопреки утверждению автора «Московского сборника» о том, что за парламентаризм «стоит» и «славит» его исключительно «либеральная интеллигенция», «консервативные элементы общества» на Западе «столь же твердо защищают парламентские учреждения, как либералы» [там же, с. 781].

Слонимскому показалось совершенно несостоятельным противопоставление абсолютной неправды политического устройства Запада той истине, которую якобы несет в себе «несчастливая, оболганная и оболжвленная чужеземною ложью Россия». Он обращал внимание читателей на то, как печальна картина нашей собственной жизни под пером самого консервативного мыслителя, как мало в ней материала «для самодовольства и самомнения». Все, что было сказано Победоносцевым о состоянии современной России, подчеркивал Слонимский, плохо совмещалось с его убеждением в том, что именно западные образцы являются «главнейшим источником» ее бедствий [там же, с. 790].

В противостоянии идеям «Московского сборника» Слонимского поддержал К.К. Арсеньев. В «общественной хронике» той же октябрьской книжки журнала за 1896 г. он защищал от нападок Победоносцева суд присяжных и адвокатуру.

Как уже отмечалось, борьба «Вестника Европы» с консерваторами не сводилась только к опровержению постулатов их теории. Не менее важной задачей была критика программных устремлений своих противников. Здесь постоянной «мишенью» «общественных хроник» К.К. Арсеньева являлись «Московские ведомости» и «Гражданин». В рамках этой статьи невозможно проследить линии полемики журнала с каждым из названных изданий, дать детальное сравнение программ противоборствовавших сторон. Ограничимся обозначением наиболее

злостных для 90-х годов проблем, по которым «Вестник Европы» оппонировал наследникам М.Н. Каткова и В.П. Мещерскому.

Публицисты консервативного лагеря прилагали немало усилий к тому, чтобы сформировать в общественном мнении негативное отношение к реформам 60-х гг. «Вестнику Европы» приходилось неустанно защищать это главное, с его точки зрения, завоевание России в XIX веке. Реформы не были ошибкой и не были преждевременны, как не было бы преждевременно и их возобновление – вот на чем настаивал журнал. Если они и не привели к желаемой цели, на что указывали их критики, то «причину этому, очевидно, нужно искать не в них самих, т.е. не в их недостатках, а в незаконности их, в неполном или непоследовательном их применении, именно в... “урезывании” их» [1896, № 12, с. 897].

Земская контрреформа 1890 г. несколько ослабила натиск консервативной печати на учреждения местного самоуправления, но в то же самое время усилила ее надежду на то, что правительство «не остановится на полдороге» в своем антиземском наступлении. Журнал остро реагировал на желания «газетных реакционеров» окончательно избавиться от «одной из немногих сколь-нибудь самостоятельных сил». Предметом ненависти консерваторов были и новые судебные учреждения. Атака на них началась в середине 80-х гг. и продолжалась в 90-е гг. Назначение на пост министра юстиции в 1894 г. Н.В. Муравьева было воспринято консервативными силами как знак того, что судебная контрреформа будет все-таки доведена до конца. В этих условиях «Вестник Европы» делал все возможное, чтобы защитить еще одно детище преобразований 60-х гг. Свобода печати, понятно, была еще одним пунктом в прениях с «кухонными мастерами газетно-журнальной реакции».

«Вестник Европы» занимал последовательно антидворянскую позицию, отвергая любые предложения по реанимации первого сословия и усилению его позиций в общественно-политической жизни. Одновременно ему приходилось брать под защиту интеллигенцию, которую тот же «Гражданин» обвинял в приверженности «торгашеским идеалам». Ярлык «буржуазности» навешивался правой печатью и на русский либерализм. Либералы «Вестника Европы» решительно открепивались от приписываемого социального родства. Преждевременны были, по их убеждению, и похороны русского либерализма, периодически устраиваемые изданиями реакционного толка. «Конец либерализма наступит только тогда, когда осу-

ществятся все главные его desiderata», – утверждал Арсеньев [1891, № 1, с. 466].

Для «Вестника Европы» были, естественно, неприемлемы ни лозунг «Россия для русских», эксплуатировавшийся «Московскими ведомостями» и «Гражданином», ни провозглашенный ими принцип «верховенства» русской национальной идеи в государственной политике. В то время как подавляющее большинство консерваторов не только соглашались с политикой русификации западных и прибалтийских окраин Российской империи, но, более того, требовали ее ужесточения, «Вестник Европы» восставал против «узкости и черствости нашего ультранационализма» [1894, № 10, с. 895]. Журналу приходилось держать под защитой и принцип равноправности «инородцев», расчищавший, по мнению правых, путь к расчленению России.

Массив антиконсервативной публицистики «Вестника Европы» формировался не только за счет критики неославянофильства, все новых и новых очагов полемики с отдельными представителями правого лагеря и его периодическими изданиями. В истории журнала 90-х годов имел место и единственный случай, когда была предпринята попытка нарисовать обобщенный образ противника справа, определить суть расхождений с ним и прояснить содержание собственной, либеральной альтернативы. Это было сделано в статье Л.З. Слонимского «Наши направления в печати и обществе» [1895, № 10].

Каким виделся Слонимскому в середине 90-х годов стан антипрогрессистов? На его взгляд, это образование не было внутренне единым. Он указывал на наличие в нем двух течений. Рядом с «оппортунистами на реакционной подкладке», «охранителями», которых нельзя было считать «сознательными и последовательными консерваторами», существовали «убежденные консерваторы и ретрограды, способные действительно страдать при виде всяких нововведений и порядков».

Первая фракция этого охранительно-консервативного симбиоза, защищая «национальный, чисто русский дух в политике и общественной жизни», не отдает себе отчета в том, что, собственно, она охраняет и что отвергает. Составляющие ее элементы, считал Слонимский, «готовы защищать какие угодно интересы, кроме народных». «К основам народного быта – к сельской общине, к мирскому самоуправлению, к выборному началу вообще, – писал либеральный публицист, – они относятся враждебно, точно так же, как и к старым, чисто-русским традициям земского самоуправления. С одной стороны, они проповедуют аристократические принципы, имеющие мало почвы в

русском обществе, а с другой – отстаивают умеренные притязания крупных промышленников и коммерсантов» [там же, с. 782].

Общественно-политическая программа вторых не могла, по убеждению Слонимского, «быть принята в руководство культурным христианским государством». «Боязнь света и знания, узкая нетерпимость, неуважение к праву и законности, культ тьмы и невежества, постоянные призывы к розге и палке – все это, – говорилось в статье, – не дает материала для разумной внутренней политики великой державы, обязанной считаться с соперничеством передовых европейских народов. Оттого наши искренние обскуранты воздерживаются от изложения своих окончательных патриотических выводов и желаний или вдаются в неопределенный и бессодержательный мистицизм, из которого нельзя извлечь ничего реального для государственной практики» [там же, с. 782–783].

Этот момент неоднородности усложнялся для всякого желающего разобраться в расстановке общественных сил еще и тем, что консервативно-охранительное направление продемонстрировало в пореформенную эпоху способность приспосабливаться к новым российским реалиям, отказываться от надежд на осуществление своих заветных мечтаний во всей полноте. «Все стали понемногу западниками и либералами в старом смысле, – пишет Слонимский. – <...> Все рассуждают об улучшениях и реформах как о чем-то неизбежном и законном» [там же, с. 779].

Правые претендовали на единоличное представительство патриотизма и национализма. Слонимский отвергал эту монополию, доказывая ложность понимания охранителями и консерваторами того и другого, предлагал истинное, на его взгляд, либеральное понимание сущности патриотического чувства и национального интереса. «Все любят отечество по-своему: одни усматривают долг патриота в постоянной готовности вовлечь страну в разорительные войны или в возбуждении и поддержании взаимной ненависти между различными элементами населения; другие проявляют свой патриотизм в желании способствовать по мере сил умственному и культурному развитию народа. Который патриотизм лучше и полезнее для государства – ясно для всякого, не ослепленного партийными спорами» [там же, с. 781].

Отмежевываясь не от патриотизма в принципе, а от чуждого либералам его толкования, Слонимский в то же время готов был принять и национализм, разумеется, в собственной интерпретации сути этого понятия. «Либерализм несовместим только с ложным национализмом,

выражающимся в неприязни ко всему иноземному, в искусственном возбуждении недобрых чувств относительно соседей и иноплеменных соотечественников, – говорилось в статье. – <...> Истинно национально все то, что повышает благосостояние, умственные силы, энергию и бодрость народа и что дает твердую почву для сознания равноправности с передовыми нациями мира. Кто не интересуется положением своей нации или старается даже помешать ее внутреннему росту, тот следует антинациональному направлению, хотя бы он громко и неустанно клялся своим национализмом» [там же, с. 789].

Общим для охранителей и консерваторов было не только понимание патриотизма и национализма. Их объединяло, кроме того, враждебное отношение к либерализму. Указывая на этот факт, Слонимский входил в зону прямого «бое столкновения» с идейным противником, где надлежало защищать репутацию русских либералов.

Одним из самых расхожих обвинений либерализма со стороны «ретроградов» было обвинение в «доктринаризме», безоглядном следовании принципу «laissez faire, laissez passer» во всех областях государственной и народной жизни. Слонимскому не составило особого труда опровергнуть этот уже устаревший антилиберальный довод. «Напротив, – писал он, – они (либералы. – В.К.) постоянно доказывают необходимость преобразований и улучшений, предполагающих усиленные активные заботы правительства об общем благе. <...> Либералы хлопчут у нас о том, что полезно всему народу и, следовательно, также государству, – в противоположность охранителям, откровенно преследующим особые выгоды небольшого круга своих единомышленников и союзников» [там же, с. 788]. Публицисту «Вестника Европы» пришлось говорить и о бесосновательности спекуляций на тему «буржуазности» русского либерализма. Журнал был последователен в защите тезиса об отсутствии в России буржуазии «в западноевропейском значении этого слова». Отсюда проистекало убеждение в том, что здесь не может быть «буржуазного либерализма, интересы которого находились бы в разладе с потребностями трудящейся массы» [там же].

В чем же состояла суть устремлений русских либералов? Они хотят, писал Слонимский, «чтобы государство было сильно не только количеством войн и распорядительностью чиновников, но и умственным и экономическим ростом населения, сознательной энергией и предприимчивостью обывателей». «Либералы мечтают о том, – продолжал он, – чтобы в каждом

селе была хорошо устроенная школа, чтобы кабаки уступили место сельскохозяйственным собраниям и читальням, чтобы для народа установлены были подходящие законы взамен устарелых и несостоятельных, чтобы малоимущее крестьянство не облагалось податями в большей мере, чем богатое купечество, и чтобы законность и справедливость не были игрушками в руках исполнителей. <...> Либералы стоят за гласность и контроль в делах публичного интереса, за законную активную роль земства, за содействие общества и печати в освещении текущих вопросов и потребностей». Публицисту «Вестника Европы» важно было указать на бесосновательность обвинений либералов в противогосударственности. Гласность, земство, содействие общества «одинаково подчинены государству и служат его интересам, облегчая правительству успешное разрешение выдвигаемых жизнью задач» [там же, с. 783].

Полемический арсенал, накопленный «Вестником Европы» в 1890-е гг., убеждает в том, что главными идейными противниками либералов в этот период были, безусловно, консерваторы. Разнообразные оттенки консерватизма в своей совокупности представляли собой не только идейную, но и политическую антитезу либерализму, ибо они ассоциировались в глазах либералов с властью и ее внутривластным курсом. Борясь с «партией Александра III» (призыв к ее организации прозвучал в «Русском обозрении»), либеральный журнал демонстрировал единственно доступным тогда способом свою оппозиционность. Это заключение несколько не приуменьшает значения полемики с народниками, которую либералы продолжали и в 90-е гг. Но критическое отношение к народничеству было лишено той бескомпромиссности, которая отличала конфронтацию с правым лагерем.

Говоря об идейно-политической борьбе, которую вел журнал в 1890-е гг., нельзя не обратить внимания на то, что ее тематический диапазон на «правом» направлении был значительно шире в сравнении с тем, что наблюдалось на «левом». Если полемика с народниками шла под знаком доминирования вопросов экономической теории, то в противоборстве с консерваторами «Вестник Европы» вынужден был определяться по отношению к старому и новому славянофильству, отстаивать либеральную философию свободы, защищать парламентские учреждения современной Западной Европы и в то же самое время формулировать собственную точку зрения по множеству проблем пореформенной российской действительности. Разумеется, в спорах с оппонентами справа «Вестник

Европы» не мог напрямую заявить свою позицию в вопросе о судьбе самодержавия в России, но его принципиальный теоретический конституционализм не вызывает ни малейших сомнений.

В прениях со своим идейным противником, претендовавшим на монополию в представлении национализма и патриотизма, «Вестник Европы» предлагал собственный, либеральный вариант смыслового наполнения этих понятий. Что бы ни говорилось теоретиками и прессой правого толка о журнале, его невозможно упрекнуть в беспочвенности и космополитизме. В борьбе с продворянским по преимуществу консерватизмом еще более рельефно проступали контуры обновленного, социального либерализма «Вестника Европы».

Материалы полемики либерального журнала с лагерем правых отразили как неоднородность последнего, так и разноуровневость производимого им идейно-политического контента. Те, кто «больше разрушал, чем охранял» (а к таковым были отнесены «Московские ведомости» и «Гражданин»), воплощали собой в глазах «Вестника Европы» «реакцию» и вызывали безусловное отторжение. Если во взглядах противников обнаруживались проблески либерального, как это имело место у некоторых представителей позднего славянофильства (В.И. Ламанский, А.А. Киреев), журнал демонстрировал готовность к диалогу и союзническим отношениям. Наивно было бы ждать от публицистов журнала терминологической строгости в обозначении различных оттенков правой альтернативы либерализму – эта проблема является дискуссионной даже для современных историков русской общественной мысли. Вместе с тем они прекрасно видели две линии в эшелонировании тех сил, которые желали затормозить или по-

вернуть вспять либеральную модернизацию России. Первая была охранительством как защитой настоящего, вторая – консервативным утопизмом как стремлением вернуться в идеализируемое прошлое.

Список литературы

1. Китаев В.А. 1) Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004; 2) Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) // Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. С. 248–275; 3) Владимир Соловьев в «Вестнике Европы» (1890-е гг.) // Там же. С. 276–289; 4) Журнал «Вестник Европы» в полемике с народничеством (1890-е гг.) // Там же. С. 290–306; 5) Журнал «Вестник Европы» в 1905–1907 гг.: между направлением и партийностью // Триста лет печати Санкт-Петербурга: Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 418–425.
2. Артемьева Е.В. Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы» (1880-е гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Н. Новгород, 2009.
3. Кайль А.В. Журналы «Гражданин» и «Вестник Европы» как отражение общественной мысли России в пореформенный период: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2010.
4. Fedyashin Anton A. Liberals under Autocracy. Modernisation and Civil Society in Russia, 1866–1904. The University of Wisconsin Press, 2012.
5. Цит. по: Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 155.
6. Вестник Европы. 1892. № 10.
7. Киреев А.А. Наши противники и наши союзники // Киреев А.А. Учение славянофилов. М., 2012. С. 308–322.
8. Ильин Н.П. Астафьев Петр Евгеньевич // Русский консерватизм второй половины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 41.
9. Тихомиров Л.А. К вопросу о свободе // Русское обозрение. 1893. № 12. С. 953–966.

«VESTNIK EVROPY» VERSUS RUSSIAN CONSERVATIVES (1890s)

V.A. Kitaev

The article contains the analysis of the polemics between the «Vestnik Evropy» magazine and Russian conservatives in the 1890s.

Keywords: «Vestnik Evropy» magazine, Liberalism, Slavophilism, Conservatism, 1890s.

References

1. Kitaev V.A. 1) Liberal'naya mysl' v Rossii (1860–1880 gg.). Saratov, 2004; 2) Ob osobennostyah liberalizma «Vestnika Evropy» (1870–1880-e gg.) // Kitaev V.A. XIX vek: puti russkoj mysli. N. Novgorod, 2008. S. 248–275; 3) Vladimir Solov'ev v «Vestnike Evropy» (1890-e gg.) // Tam zhe. S. 276–289; 4) Zhurnal «Vestnik Evropy» v polemike s

- narodnichestvom (1890-e gg.) // Tam zhe. S. 290–306; 5) Zhurnal «Vestnik Evropy» v 1905–1907 gg.: mezhdunarodnoye napravlenchestvo i partijnost'yu // Trista let pechati Sankt-Peterburga: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb., 2011. S. 418–425.
2. Artem'eva E.V. Obshchestvenno-politicheskaya programma zhurnala «Vestnik Evropy» (1880-e gg.): Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. N. Novgorod, 2009.

3. Kajl' A.V. Zhurnaly «Grazhdanin» i «Vestnik Evropy» kak otrazhenie obshchestvennoj mysli Rossii v poreformennyj period: Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Saratov, 2010.

4. Fedyashin Anton A. Liberals under Autocracy. Modernisation and Civil Society in Russia, 1866–1904. The University of Wisconsin Press, 2012.

5. Cit. po: Repnikov A.V. Konservativnye koncepcii pereustrojstva Rossii. M., 2007. S. 155.

6. Vestnik Evropy. 1892. № 10.

7. Kireev A.A. Nashi protivniki i nashi soyuzniki // Kireev A.A. Uchenie slavyanofilov. M., 2012. S. 308–322.

8. Il'in N.P. Astaf'ev Petr Evgen'evich // Russkij konservatizm vtoroj poloviny HVIII – nachala XVIII veka: Ehnciklopediya. M., 2010. S. 41.

9. Tihomirov L.A. K voprosu o svobode // Russkoe obozrenie. 1893. № 12. S. 953–966.